

УДК 81-112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/3

УТИЛИТАРНАЯ ОЦЕНКА В РУСИНСКОМ ЯЗЫКЕ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Л.П. Дронова

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: lpdronova@mail.ru

Анотское резюме

Анализируются лексические способы выражения утилитарной оценки (положительной и отрицательной) в русинском языке в сопоставлении с соответствующим лексико-семантическим полем представления этой оценки в русском языке. На основе данных лексикографических источников определяются формальная и семантическая структура лексико-семантического поля «польза – вред», генетические связи единиц этого поля, что позволяет говорить о глубине и особенностях формирования лексики утилитарной оценки. Делаются выводы, что, во-первых, русинский язык как наследник древнеславянских диалектов сохраняет следы праславянского этапа формирования утилитарной оценки и, во-вторых, лексика утилитарной оценки русинского языка сохраняет историю региональных связей разной исторической глубины.

Ключевые слова: утилитарная оценка, лексика, русинский язык, славянские языки, сопоставительный аспект.

UTILITARIAN EVALUATION IN THE RUSIN LANGUAGE: A COMPARATIVE PERSPECTIVE

L.P. Dronova

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: lpdronova@mail.ru

Abstract

The paper analyses the lexical means of expressing utilitarian evaluation (both positive and negative) in the Rusin language and compare them with the corresponding lexical semantic field in Russian. Using various lexicographic sources, the author outlines the formal and semantic structure of the lexical semantic field “Good – Harm” and the genetic links among its units, which allows determining the historical depth and

specificity of the formation of the lexis of utilitarian evaluation. The author concludes that, inheriting the Old Slavonic dialects, the Rusin language preserves the traces of the Proto-Slavic means of utilitarian evaluation and that the Rusin lexemes that express utilitarian evaluation reflect the history of regional links of varying historical depth.

Keywords: utilitarian evaluation, lexis, Rusin language, Slavic languages, comparative perspective.

Постановка проблемы, аспект исследования

Утилитарная оценка представлена в языке семантической оппозицией «полезное – вредное». Утилитарная оценка – это частная оценка. В семантике ее выражающих лексических единиц наряду с оценочным значением сохраняется, как правило, и дескриптивный компонент, что позволяет увидеть круг мотивировочных признаков, их изменение в исторической перспективе, изменения в аксиологических установках этноса на определение полезного и вредного. Определение генетических связей лексики утилитарной оценки дает основание для определения исторической глубины формирования понятий «польза» и «вред», историко-культурная значимость которых позволяет ориентироваться в одновременных контактах этноса.

В русском языке ядро лексико-семантического поля, представляющего утилитарную оценку, составляют лексемы *вред* и *польза*. Обе лексемы, как известно, являются церковнославянизмами, что свидетельствует о значительности влияния церковных канонов и старославянского на формирование аксиологических установок носителей древнерусского языка. Значительность влияния старославянского в данном случае определяется и тем, что в других славянских языках значение понятия «польза» выражается иначе и чаще всего словом, соответствующим рус. *корысть* (Черных 1994: 54). Разные аспекты пользы представляют в русском языке, наряду с *польза*, такие лексемы, как *выгода*, *корысть*, *выигрыш*, разг. *прок*, *толк*, *расчет*, устар. разг. *нажива*, *барыш*. Отрицательную утилитарную оценку – неблагоприятный результат для кого-л., чего-л. – выражают лексемы *вред*, *порча*, *ущерб*, *урон*, *убыток*, *изъязн*, прост. *школа*, *пакость*, устар. *наклад* (МАС 2: 109; МАС 3: 277; ССРЯ 1971: 79).

Материал русинского языка в сравнении с другими славянскими языками

Обращение к русинскому языку показывает явно иную историко-культурную детерминированность в формировании лексики, выражающей утилитарную оценку. Прежде всего следует отметить, что

ядерные лексемы в ЛСП утилитарной оценки в русском языке – *польза*, *вред* – видимо, отсутствуют в русинском языке (по крайней мере, в словарях не отмечены), хотя однокорневые слова *веред* ‘болячка, нарыв’, *вередити* ‘мешать, препятствовать; капризничать’ словарь Керчи отмечает (Керча 1: 118–119). Понятие «польза» выражается в русинском языке чаще всего лексемами *хосен*, *корысть*, а также *пожиток*, *проснів*, *придаток*, *пригода*, для обозначения вреда употребляются слова *нехосен*, *шкода*, *квар*, а также *псутя* (Керча 1: 137; 2: 170, 231), глагольная лексика, связанная с этими понятиями, – *хосновати*, *корыстати*, *шкодити*, *вадити*, *кварити*, *казити*, *псути* (Керча 1: 107, 393, 405, 437; 2: 231, 546, 588). Мы не касаемся здесь вопроса вариативности (фонетической, словообразовательной: *корысть* / *користь*, *пожиток* / *пожиток*; *проснів* / *просніх* и т.п.) рассматриваемой лексики, которая имеет место в силу некодифицированности в целом языка Прикарпатской Руси. Эта вариативность не имеет принципиального значения для рассмотрения заявленной проблемы.

Как видно из сравнения лексико-семантических полей со значением «польза» русского и русинского, у них есть только одна общая единица – *корысть* / *користь*, но это та лексема, которая известна всем славянским языкам, за исключением серболужицких, ср. ст.-слав. *користь* ‘добыча, трофей’, ‘корысть’, с.-хорв. *кòрист* ‘польза’, ‘выгода’, привилегия, чеш. *kořist* ‘добыча’, ‘улов’, ‘трофей’, ‘выгода’, словц. *korist* ‘(награбленная) добыча’, ‘военные трофеи’, ‘улов’, польск. *korzyść* ‘прибыль, выгода, польза’, (стар.) ‘добыча, военные трофеи’, др.-рус. *користь*, *корысть* ‘польза’, ‘выгода’, ‘добыча’, укр. *користь*, *корисний* ‘полезный, выгодный’ и др. (ЭССЯ 11: 71). Учет семантики и места ударения в соответствующих лексемах контактных с русинским языков объясняет наличие вариантов в русинском: *корысть* ‘добыча, трофей’, *корысть* ‘выгода, расчет’ (Керча 1: 437). Вероятно, *корысть*, как уже было сказано выше, является наиболее ранним сохранившимся обозначением пользы на пространстве славянских языков. Иначе говоря, исторически русин. *корысть* и ее производные *корыстати*, *корыстливый* – наследники ядерной лексемы ЛСП положительной утилитарной оценки праславянского уровня.

Вторая и наиболее употребительная лексема со значением «польза, прок, выгода» – это *хосен* и большой ряд производных от нее слов: *хосенность* ‘полезность’, *хосенный* ‘полезный, выгодный’, *хоснованный* ‘поддержанный, бывший в употреблении’, *хосновати* ‘употреблять, использовать’, *хосножадник* ‘корыстолюб’ и др. (Керча 2: 546–547). Это слово – результат тесных контактов русинского с венгерским (венг. *haszon* ‘корысть, выгода’) и известно также украинскому, польскому, словацкому языкам (ЕСУМ 6: 204).

Остальные лексемы, связанные с понятием «польза / полезный», являются поздними и локальными образованиями с прозрачной внутренней формой (мотивировочным признаком): *пожиток* ‘польза, выгода’ (*Дай вам боже на пожиток, што сьте обидали*), *пожиточность* ‘полезность’, *пожиточный* ‘полезный’ (ср. ст. польск. *pożytek*, ст.-чеш. *požitek*, словц. *úžitok* ‘польза, прок’ (Сл. ст.-укр.: 173; Словац.-рус. сл. 1975: 578)); *пригода* ‘прок, пригодность’ (ср. рус. *выгода*), *придаток* ‘прибавка, польза’ (*быти на придаток* ‘быть на пользу’), *придатный* ‘полезный, пригодный’; *проснів* ‘польза, прок, выгода’, *просніваня* ‘польза’, *проснівати* ‘приносить пользу, благоприятствовать’ (ср. словц. *prospievat* ‘идти на пользу; успевать’) (Керча 2: 108; Словац.-рус. сл. 1975: 409).

Лексико-семантические поля, представляющие в русинском и русском языках понятие «вред», также имеют лишь одну общую единицу – лексему *шкода* и ее производное *шкодити* (*бульше шкоды, ги хосну*). Причем если в русинском это одно из основных средств выражения данного понятия, то в русском языке, где это также заимствование, употребление данной лексической единицы стилистически ограничено (разговорное), по своему происхождению лексема *шкода* является заимствованием через чешский и польский из др.-в.-нем. *scado*, ср. нем. *Schade(n)*, польск. *szkoda*, чеш., словц. *škoda* ‘убыток, ущерб, вред’, чеш. разг. *škoda* ‘жаль, жалко’, *škoditi* ‘вредить (здоровью)’, *škodlivý* ‘вредный, опасный для здоровья, пагубный’, рус. *шкода* ‘вред, ущерб’, стар. *шкота*, диал. (*при*)*шкóтить* ‘вредить’, *пошкотилось* ‘испортилось’ (в украинском, белорусском, древнерусском эта лексема особенно частотна в XV–XVI вв.) (Фасмер 4: 449–450; Machek 1957: 502; ČRS: 824).

Кроме слова *шкода*, со значением «вред» употребляются лексемы *нехосен* ‘не-польза’, производное от *хосен*, и *квар* ‘ущерб, убыток; пагуба, вред, порча’, его производные *кварити* ‘шкодничать, портить, наносить вред’, *кварник* ‘шкодник’, *кварливый* ‘шкодливый, вредоносный’ (Керча 1: 405). Если лексема *шкода* является заимствованием в русинском, а *нехосен* – производным от заимствования, то *квар* имеет собственно славянские корни, и аналогичные лексемы известны другим славянским языкам: болг. *квар* ‘порча, болезнь’, с.-хорв. *kvâr* м.р. ‘недостаток, изъян; ущерб, урон’, (стар. диал.) ‘вред; вина, проступок; блуд’, *kvâr* ж.р. ‘вред, порча’, словен. *kvâr* ‘вред, ущерб; недостаток, изъян’, словц. диал. *kvâr* ‘потрава в поле’, гуцул. *квар* ‘болезнь; беспокойство; тяжелая работа’, *кварувати* ‘болеть’ (перен. про животных). По мнению этимологов, праслав. *kvary производит впечатление весьма старого образования по своей словообразовательной структуре, по остаточному характеру отношений (ср. ареал распространения), отдельные звенья которых рано изолированы и восстанавливаются с трудом (ЭССЯ 13: 149–150; Гуцульські говірки: 92).

В значении «вредить» реже, чем *шкодити*, употребляется слово *вадити* 'мешать, препятствовать; вредить', второе значение которого 'ругаться, ссориться', ср. *вада* 'брак, недостаток порока' и 'ссора' (Керча 1: 107). Подобное сближение значений «ссориться» и «мешать, вредить» отмечается в чешском, словацком, польском языках; судя по генетическим связям *вадити*, старшее значение здесь 'ссориться', а 'мешать, вредить' – производное значение. Следовательно, развитие значения *вредить* – ареальная лексико-семантическая новация (Фасмер 1: 205–206; ЕСУМ 1: 318–319).

Близкими лексемами со значением «вред, вредить» (прежде всего для *кварити*) в русинском языке являются лексемы *казити* 'портить', *казитель* 'тот, кто портит' и *псути* 'портить', *псутя* 'порча' (Керча 1: 393–394; 2: 231; Онышкевич 1984: 304). По происхождению, по исторической глубине возникновения эти лексемы, можно сказать, поллярны. Глагол *казити* имеет соответствия во всех славянских языках, т. е. обнаруживает глубокие исторические корни: ср. ст.-слав. *казити* 'портить, вредить', с.-хорв. *kaziti* 'уничтожать, губить, портить', словен. *kaziti* 'портить, искажать', чеш. *kaziti* 'портить, разрушать, вредить', словц. *kaz* 'недостаток, изъян', *kazit* 'портить', др.-рус. *казити* 'приводить в негодность, портить; калечить' (*молев ризы казитъ, а печаль умъ чловьку*), 'наводит порчу на кого-л.' (*есть въ нашемъ селѣ древо, идеже живетъ бѣсъ кумира нечистаго, и казитъ члвѣкъы и село* [вар.: *и скоты*]), 'искажать, извращать, изменять к худшему что-л.', укр. *казити* 'искажать, портить', рус. устар. диал. *казить* 'портить, повреждать, искажать' и др. (ЭССЯ 9: 171; СРЯ 7: 21; Словац.-рус. сл. 1975: 146; СРНГ 12: 319).

Регионализмом, метафорическим по своему происхождению (и относительно поздним), является глагол *псути* 'портить' как производное от *пес* (*псюк*) 'собака, пёс'. Собака, ее «способ общения» и «образ жизни» стали символом при обозначении плохих отношений между людьми, плохой, тяжелой жизни, невзгод человека: ср. русин. *псути* 'портить' (*Чого вшиткой то псує? Зачем он все портит?*) и *псити* (перен.) 'хаметь, наглеть', *псоветь* 'перебиваться прозябать', *псованик* 'изгнанник, отверженный', *псовати* 'ругать, поносить', *псововати* 'терпеть невзгоды', *псота* 'неприятность, беда, невзгоды' (Керча 2: 230–231). Близкие по форме и значению известны однокорневые образования в украинском языке (*псити* 'жить убого (по-собачьему)', *псити* 'болеть (про скот)', *псувати* 'охотиться с собаками' и *псувати* 'портить', *псування*, *посув* 'порча', *псотний* 'собачий; испорченный, пагубный', *псотник* 'каверзник' и др. (ЕСУМ 4: 358–359)), и, вероятно, под их влиянием (преимущественно) в юго-западных диалектах русского языка известны глаголы *псить* 'портить, губить', *псуть*, *псовать* 'портить, приводить в негодное состояние' (*Попроси кого холстину*

скроить, а то ты только вещь псуешь) (СРНГ 33: 99–100), им подобны ст.-польск. *psować* ‘violare, совершать насилие, приносить вред’, рус. (XVII в.) *псовати* ‘бесчестить, оскорблять’ (СРЯ 21: 37).

Сходно по экспрессивности и оценке образ «собачьего» представлен и в древнерусском языке, русском, ср. др.-рус. *лая, лаяние* ‘брань, поношение, оскорбление’ (XII–XIII вв.), ‘козни’ (XV в.), *лаяти* ‘бранить, поносить кого-л.’ (XIV в.), ‘злоствовать, неистовствовать’ (XI в.), рус. *лаяться, собачиться* (о грубой перебранке), *жизнь собачья* (о тяжелой жизни) (СРЯ 8: 181–182).

Выводы

Анализ лексики утилитарной оценки в русинском языке в сопоставлении с другими славянскими языками позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, русинский язык как наследник древнеславянских диалектов сохраняет следы праславянского этапа формирования утилитарной оценки: русин. *користь* является наиболее ранним сохранившимся обозначением слова «польза» на пространстве славянских языков, а *казити*, судя по представленности в славянских языках и оценке генетических связей, представляет собой продолжение раннеславянского обозначения действия и процесса порчи, вреда, приведения в негодное состояние. Этимологический анализ генетических связей, позволяющий соотнести *kaziti и *kazati в формальном плане, дает основание для их семантического соотнесения как ‘портить’ ← ‘метить в дурном смысле’ (ЭСЯ 9: 171). То есть, вероятно, *kaziti обозначало у ранних славян разные действия (символические, ритуальные), которые наводили порчу на людей, животных (ср. самое распространенное до сих пор – *сглазить* ‘навести порчу’).

Во-вторых, лексика утилитарной оценки русинского языка сохраняет историю региональных связей разной исторической глубины. Так, что касается русинской лексики *квар* (*кварити*), которая входит в состав южнославянской-словацкой изоглоссы, то ее происхождение, как всей изоглоссы, относится к ранней славянской истории, хотя не до конца ясна ее глубина. Глагол *вадити* в значении ‘портить, вредить’ – это русинско-западнославянская семантическая инновация. Остальная лексика утилитарной оценки русинского языка представляет собой либо регионализмы (западно-, восточнославянские: *пожиток, пригода, придаток, проснів; псутя, псути*), либо заимствования, но с немалой историей (*хосен* из венгерского, *шкода* через западнославянские из древневерхненемецкого).

Выявленный широкий исторический диапазон формирования лексики утилитарной оценки в русинском языке, специфика лексики, ее

выражающей, не случайны: утилитарная оценка как рационалистическая оценка непосредственно связана с практической, исторически меняющейся деятельностью человека, она фиксирует (и позволяет выявить) аксиологические установки относительно понятий *польза* и *вред* в разные периоды истории русин.

СОКРАЩЕНИЯ

болг. – болгарский; венг. – венгерский; гуцул. – гуцульский; диал. – диалектное; др.-в.-нем. – древневерхненемецкий; др.-рус. – древнерусский; нем. – немецкий; польск. – польский; праслав. – праславянский; рус. – русский; русин. – русинский; словац. – словацкий; словен. – словенский; стар. – старое; ст.-польск. – старопольский; ст.-чеш. – старочешский; ст.-слав. – старославянский; с.-хорв. – сербохорватский; укр. – украинский; устар. – устаревшее; чеш. – чешский.

ЛИТЕРАТУРА

Гуцульські говірки 1997 - Гуцульські говірки. Короткий словник / Відповід. ред. Я. Закревська. Львів, 1997. 232 с.

ЕСУМ 1 - Етимологічний словник української мови: у 7 т. / Гол. ред. О.С. Мельничук. Київ, 1982. Т. 1. 631 с.

ЕСУМ 4 - Етимологічний словник української мови: у 7 т. / Гол. ред. О.С. Мельничук. Київ, 2003. Т. 4. 656 с.

ЕСУМ 6 - Етимологічний словник української мови: у 7 т. / Гол. ред. О.С. Мельничук. Київ, 2012. Т. 6. 568 с.

Керча 1 - Керча И. Русинско-русский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 1.

Керча 2 - Керча И. Русинско-русский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 2.

МАС 2 - Словарь русского языка: в 4 т. / Ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд. М., 1982. Т. 2.

МАС 3 - Словарь русского языка: в 4 т. / Ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд. М., 1983. Т. 3.

Онышкевич 1984 - Онышкевич М.Й. Словник бойківських говірок: В 2 ч. Київ: Наукова думка, 1984.

Словац.-рус. сл. 1975 - Коллар Д., Доротьякова В., Филкусова М., Васильева Е. Словацко-русский словарь. М.-Братислава: Русский язык, Словацкое педагог. изд-во, 1976. 767 с.

СРЯ 7 - Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1980. Вып. 7 (К-Крагуяр). 403 с.

- СРЯ 8 - Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1981. Вып. 8 (Крада–Лящина). 351 с.
- СРЯ 21 - Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1995. Вып. 21 (Прочный – Раскидати). 280 с.
- ССРЯ 1971 - Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. Л.: Наука, 1971. Т. 2. 856 с.
- Сл. ст.-укр.-Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.: В 2 т. Київ: Наукова думка, 1978. Т. 2. 591 с.
- СРНГ 12 - Словарь русских народных говоров. Вып. 12.
- СРНГ 33 - Словарь русских народных говоров. Вып. 33.
- Фасмер 1 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева: М., 1964. Т. 1. 562 с.
- Фасмер 4 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева: М., 1973. Т. 4. 852 с.
- Черных 1994 - Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1994. Т. 2. 560 с.
- ЭССЯ 1 - Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. М.: Наука, 1974. Вып. 1 (А–*besъdъlivъ). 214 с.
- ЭССЯ 9 - Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. М.: Наука, 1983. Вып. 9 (*jъz–*klenъje). 197 с.
- ЭССЯ 11 - Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. М.: Наука, 1984. Вып. 11 (*kopsъ–*kotъna(ja). 220 с.
- ЭССЯ 13 - Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. М.: Наука, 1987. Вып. 13 (*kromežirь–*kyžiti). 285 с.
- ČRS - *Česko-ruský slovník / Pod ved. K. Horálka, B. Ilka, L. Kopeckého.* 3, opravené vydání. Praha, 1970. 1242 с.
- Machek 1997 - *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957. 627 с.

REFERENCES

- Zakrevska, Ya. (ed.) (1997) *Gutsul's'ki govirki. Korotkiy slovník* [The Guzul Dialects. A Short Vocabulary]. Lviv: Institute of Ukrainian Studies.
- Melnichuk, O.S. (ed.) (1982) *Etimologichnij slovník ukraïns'koï movi: V 7 t.* [The Etimological Dictionary of the Ukrainian Language. In 7 vols]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.
- Melnichuk, O.S. (ed.) (2003) *Etimologichnij slovník ukraïns'koï movi: V 7 t.* [The Etimological Dictionary of the Ukrainian Language. In 7 vols]. Vol. 4. Kyiv: Naukova dumka.
- Melnichuk, O.S. (ed.) (2012) *Etimologichnij slovník ukraïns'koï movi: V 7 t.* [The Etimological Dictionary of the Ukrainian Language. In 7 vols]. Vol. 6. Kyiv: Naukova dumka.

Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar': V 2 t.* [The Rusin-Russian Dictionary: In 2 vols]. Vol. 1. Uzhgorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2007b) *Rusinsko-russkiy slovar': V 2 t.* [The Rusin-Russian Dictionary: In 2 vols]. Vol. 2. Uzhgorod: PoliPrint.

Evgenieva, A.P. (ed.) (1982) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Dictionary of the Russian Language: In 4 vols.]. Vol. 2. Moscow: Russian Academy of Science.

Evgenieva, A.P. (ed.) (1983) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Vol. 3. Moscow: Russian Academy of Science.

Onishkevich, M.Y. (1984) *Slovník boykiv's'kikh govirok: V 2 ch.* [The Dictionary of Boykovsky Dialects. In 2 vols]. Kyiv: Naukova dumka.

Kollar, D., Dorotyakova, V., Filkusova, M. & Vasilyeva, E. (1976) *Slovatsko-russkiy slovar' [The Slovak-Russian Dictionary].* Moscow; Bratislava: Russkiy yazyk.

Bogatova, G.A. (ed.) (1980) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th centuries]. Vol. 7. Moscow: Nauka.

Bogatova, G.A. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th centuries]. Vol. 8. Moscow: Nauka.

Bogatova, G.A. (ed.) (1995) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th centuries]. Vol. 21. Moscow: Nauka.

Evgenieva, A.P. (ed.) (1971) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: V 2 t.* [The Dictionary of the Synonyms of the Russian Language]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.

Gumetska, L.L. (ed.) (1978) *Slovník staroukraiins'koi movi XIV–XV st.: v 2 t.* [The Dictionary of the Old Ukrainian Language of the 14th – 15th centuries: In 2 vols.]. Kyiv: Naukova dumka.

Filin, F.P. (ed.) (1977) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of the Russian Popular Dialects]. Vol. 12. Leningrad: Nauka.

Sorokoletov, F.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of the Russian Popular Dialects]. Vol. 33. Leningrad: Nauka.

Vasmer, M. (1973) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Etymological Dictionary of the Russian language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 4. Moscow: Progress.

Vasmer, M. (1964) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Etymological Dictionary of the Russian language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 1. Moscow: Progress.

Chernykh, P.Ya. (1994). *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t.* [The Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language. In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.

Trubachev, O.N. (ed.) (1974) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of the Slavic languages. The Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1983) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov.*

Praslavyanskiy leksicheskiy fond [The Etymological Dictionary of the Slavic Languages. The Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 9. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1984) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of the Slavic languages. The Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 11. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1987) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of the Slavic Languages. The Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 13. Moscow: Nauka.

Horálka, K. (ed.) (1970) *Česko-ruský slovník* [The Czech-Russian Dictionary]. 3rd ed. Prague: Státní pedagogické nakladatelství.

Machek, V. (1957) *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského* [The Etymological Dictionary of the Czech and Slovenian Languages]. Prague: Nakladatelství Československé akademie věd.

Дронова Любовь Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Dronova Liubov - Tomsk State University (Russia).

E-mail: lpdronova@mail.ru